

Владимир КАТКЕВИЧ

Военные негры с Фонтана

Так их называли не только дети. Иностранцы слушатели появились на 6-ой станции Большого Фонтана в середине шестидесятых аккурат в паузе между Карибским кризисом и войной Израила с Объединенной Арабской Республикой. После ухода из альянса с обидой Сирии ОАР, как известно, так и осталась Объединенной, может, в надежде, что соседи все-таки, намыкавшись среди колонизаторов, одумаются и вернутся для совместного сопротивления.

Если территория зенитно-артиллерийского училища, что на 3-ей станции, со значением столбилась с помощью литых пушечных стволов времен Крымской войны, они до сих пор кое-где в строгой ораде вместо несущих колонн, то забор территории среднего военно-технического училища на 6-ой стройбатовцы городили из дырчатых блоков, в каменных кружевах тонкой работы даже присутствовал легковооруженный курортный мотив. Да и само величественное здание с колоннами, портиками, двумя арками выглядело современнее, не таким безнадёжно казенным, как, скажем корпус кирпичной кладки в артиллерийском. При закладке фундамента на 6-ой в соответствии с требованиями проекта в восточный флигель угнездили многотонную ПУ, пусковую установку, а потом уже выложили стены. Получилось, что не в сарае, не в боксе, а в типовом учебном классе стоит вращающаяся пусковая, правда, с укороченной стрелой, и многие поколения будущих ракетчиков дивились циклопической затее. Возможно, снятая лет сорок назад с вооружения пусковая до сих пор занимает место, а из класса сделали музей ракетной славы.

В среднее военно-техническое принимали крепких парней, многие поступали после трех лет службы в армии, и в училище освежали напрочь забытые знания по начальной физике, изучали электротехнику, баллистику, другие дисциплины в объеме программы серьезного техникума.

В памяти преподавателей, которые сами после ускоренных войной офицерских курсов учились заочно в гражданских вузах, еще была служба на ленд-лизовских локаторных станциях канадского происхождения. Когда однажды в сырую погоду в канадской будке пробило на корпус, офицер наведения выскочил и упер голову в бруствер, чтобы выпустить шальные электроны в землю. Потому старались учить как следует.

Курсанты изучали ПУАЗО, прибор управления зенитным обстрелом, целились в фонтанское небо из длинноствольных пушек в загороженном для секретности щитами дивизионе обеспечения. Или играли с криками "пас" в волейбол, и с трамвая замечали, как парни в одинаковых голубых майках взлетают над сеткой. Или маршировали с песней "Солдаты в путь". Дважды в году зенитчики месяца по два под уходящий барабан гонимы к парадам и дружно кричали "здрала тыщ генерал" начальнику училища. Уважавший парады генерал приглашал пышные, как у Буденого, усы и говорил коробкам:

— Маршировали вы, прямо скажем, неважно, но могло быть и хуже...

В самоволки ходили в дежурном шерстяном "мастерском" костюме с буквами "СССР" на груди. Получив звездочки техников-лейтенантов, целовали знамя, играли на поселке судоремонтного завода свадьбы и везли подруг в гарнизоны к ракетным позициям.

Наших курсантов еще не успели перевести в училища родственного профиля, учебный процесс продолжался в соответствии с графиком, когда автобус привез первую партию, человек шестьдесят, до роты, с острова Свободы. Поскольку угадали перед Новым годом, а зимнего обмундирования у кубинских курсантов еще не было, как, впрочем, и летнего, им выдали ушанки, у которых разрешалось опускать уши, и шинели без погон и без ремней. Ушанки с дуплами от кокард на кудрявых головах почему-то приобретали неистребимую округлость. Кубинцам разрешалось покидать территорию в форме, скажем, за бубликами сбежать или на почту поблизости.

Общественная жизнь окрестных кварталов фокусировалась на угловой сталинской четырехэтажке, где находились булочная, аптека, гастроном и винарка, в подсобке последней выпивали военные музыканты после халтур на похоронах от "жмурконторы". Обитатели частного квартала, застроенного бестолково и тесно, надеялись, как, кстати, и жители других отшибных районов, что добротные "сталинки" шагнут в их опостылевшую кудрявость, которую традиционно обозначали курортной, и они переселятся в благоустроенные квартиры, где не надо у порога снимать галоши, но строительный размах на угловом доме споткнулся.

Почты в сталинке не предусмотрели, кубинцы ездили за посылками на трамвае.

Кондукторши, обращавшиеся даже к нашим офицерам с двумя просветами на погонах однозначно: "Мальчики, не стесняйтесь брать билет!", — с кубинцев трех копеек не требовали.

Баба Киля, торговавшая на остановке семеч-

ками, старалась военным неграм, выглядевшим пугалами, насыпать бесплатно жменю семечек. Точно так же она жалела пленных немцев, которые здесь же, на 6-ой станции, распускали на пилорамах бревна на доски-сороковки. Баба Киля старалась всучить пленным морковку или пузирек из-под микстуры, чтобы конвой не заметил. Банками или просто осколками, обмазанными глиной, пленные стеклили окна в бараках, чтоб хоть как-то спастись от сквозняков. Добрая женщина казалось, что и кубинские мальчишки тоже испытывают лишения, когда видела торчащие из рукавов худые руки всех возможных оттенков. Будущие ракетчики вырастали из обмундирования, озадачивая интендантов. Видимо, на острове было непросто найти грамотных абитуриентов, возраст колебался в довольно широком диапазоне, от нежного юношества, когда в аптеках краснеют, покупая презервативы, до тридцати, столько было команданте Мануэлю, участнику штурма казарм Монкада. Мануэль перед отправкой сбрил цыганскую бороду, на фотографии же в удостоверении личности офицера был в бороде и выглядел на пятьдесят.

В доме отдыха "Маяк", который местные обозначали "Синяком", на танцах залетные хулиганы показательно избивали темнокожего слушателя Луиса Баррета, тогда считалось дерзостью нападать на негров. Через неделю в отместку фонтанские ребята подрезали обидчика. В училище наведались розыскники из уголовного. Команданте запретил увольнения, но генерал объявил кубинцам амнистию, он относился к ним по-отечески, как к испанским детям в 38-ом. Правда, на танцах стал маячить человек в черном гэдэзерском плаще, капитан Лукин из особого отдела.

— Ваш контрик цинкует, — предупреждали местные ребята кубинцев, танцевавших польки с сорокалетними дамами. Дамы отдыхали по тридцати-процентным льготным профсоюзным путевкам.

Местные ребята, в общем-то, тогда еще с уважением относившиеся к людям в форме, воспринимали кубинцев детдомовцами, а негров и негрятят жалели особо, как парней, которым не очень повезло с цветом кожи. Свое расположение обитатели частного сектора обозначали предложением выпить плохого вина, и революционные друзья с опаской пили, чтоб не обидеть, тяга к спиртному у островитян так и не прорезалась.

Пьяные вспоминали к ситуации, что кубинцы не первые иностранные военные на Фонтане, что в 45-ом в пехотном училище югославы, которые ходили в порт-клуб на танцы, где все девушки были их, пока не испортились отношения с маршалом Тито.

— Тито оппортунист, — просвещали юных кубинцев пьяные в возрасте, — а ваш Фидель не мудака.

К следующей зиме кубинцам справили из шинельного сукна расклеванные пальтишки и вместо ушанок выдали фуражки, напоминавшие красивые фашистские. Юным слушателям нравилось козырять всем подряд. Солдаты батальона обеспечения, подметавшие на территории окурки, понятное дело, кубинским пацанам честь не отдавали, и те не обижались.

Ожидали прибытие новой партии иностранцев, откуда именно приедут, не оглашали, неизвестность интриговала. Вольнонаемных строго предупредили, что с новенькими надо держать ухо востро, потому что они могут сотрудничать с американской разведкой.

В феврале тот же автобус привез десятка три египтян, офицеров с университетским образованием. Они курили американские сигареты из ладони, фланкировали к ларьку военторга во фланелевых мундирах с орлами на погонах и спрашивали французскую туалетную воду "Алоис". Туалетной воды, конечно, не было, и торговавшая носками и гуталином Тамилла предлагала офицерам одеколон "Кармен", который пользовался широким спросом у кубинцев из-за того, что на этикетке была изображена цыганка. Египтяне нюхали флаконы, но не покупали.

Один из кубинских кадетов забыл козырнуть египетскому капитану, нарушителя военного порядка вычислили, им оказался незадачливый негр Луис Баррета, которого к тому времени в сталинке по-своему называли Ленчиком. Команданте Мануэль наказал Ленчика неувольнением. Это было нехоти, потому что у Ленчика к тому времени завелась лав, Эля, десятиклассница из интерната для слаборазвитых детей. Языкового барьера у влюбленных не существовало, на сеансах в летнем кинотеатре "Лето", когда в смешных эпизодах зал прыскал, Элеонора издавала нежные птичьи звуки, так как была от рождения глухонемой. Девушка происходила из бедной многодетной еврейской семьи, не обремененной предрассудками. Батюшка Эли Фима развозил на трамвае телеграммы, которые перечитывал, высовываясь по пояс в окно трамвая. По выходным Фима обходил без приглашения богатые свадьбы, с тросточкой, и на чаплинский мотив декламировал приветствие одесско-го почталяна. Времени на воспитание не оставалось, потому роман с революционным негром не осуждался.

После израильского "блиц крига", и позорно-го бегства египетской армии трофейные пусковые установки ракетно-зенитного комплекса "Волхов" были выставлены в Тель-Авиве для обозрения. Кубинцы перестали отдавать честь египтянам. Египтяне ворчали, что им продают устаревшие ракетные комплексы "Волхов", а кубинцам последние усовершенствованные "Десна", поражающие низколетящие цели, дескать, потому и проиграли.

В июне последние советские курсанты третьего курса покинули Фонтан и были расфасованы по училищам электротехнического профиля в Саратове и Энгельсе. Училище было реорганизовано в высшее командно-инженерное объединенное ордена Отечественной войны второй степени, звания преподавателей повысили на порядок. Слово "объединенное" предположительно объединило ракетной стрельбе иностранцев, для комфортного проживания которых стройбат ударно строил спальный корпус на девять этажей. Из адьонктур Харьковской академии имени Говорова и Минской академии прибыли преподаватели с учеными степенями.

Теперь вместо наших курсантов на спортплощадке азартно играли в футбол индонезийцы, выкрикивая в запале игры звуки, похожие на звон колокольчика. Футбольное поле безраздельно, все пять лет учебы, оккупировали индонезийцы, улыбчивые дисциплинированные ребята. Порывались организовать международные спартакиады, чтобы, как говорится, дурные мысли не посещали голову, но идея не задалась. Африканские слушатели предпочитали после занятий бродить тенями по обрывам над пляжами и тарашиться на женщин, даже при самой свирепой жаре они не разоблачались.

Интересующиеся девушки, к сожалению, могли видеть иностранцев во всем военном великолепии только через узорчатые дырки в ораде, появляясь за территорией в форме запрещалось даже в национальные праздники. Дни Республики, Революций, Независимостей, дни рождения вождей, прогрессивных монархов и диктаторов следовали бесконечной чередой с частотой раз в неделю, а то и два. На праздники было положено являться при аксельбантах и торжественно под звуки гимна равняться на государственные флаги. Жаль, что девушки видели парадные мундиры с расстояния выстрела, право, было на что посмотреть! Алжирцы носили фланелевые расклеванные голубые шинели. Эффектно выглядели иракские кадеты. Сирию представили трое офицеров, самых последовательных марксистов, они целиком отдавались занятиям и отнюдь не собирались брататься с египтянами. От Афганистана на первых порах присутствовал всего один молодой полковник с саблями на петлицах, внешне похожий на актера Филиппова.

Форма монголов практически ничем не отличалась от нашей, почему их выпускали в ней в город. Когда патруль впервые увидел ядовито-вашильковый цвет курсантских погон, характерный для ведомства на Лубянке, он решил, что нерусских стали принимать в школу КГБ. Монголы и кубинцы обучались на последних комплексах, поэтому в спецклассе, где на козлах стояли разрезанные ракеты, которые назывались изделиями, ЖРД и ПРД, соответственно жидкостные и пороховые реактивные двигатели, и радиовзрыватели "Шмель", были предусмотрены меры секретности. Перед проникновением из коридора в секретный класс необходимо было нажать кнопку звонка. Чтобы нельзя было заглянуть из коридора, классы были оборудованы тамбурами с пологими из плотного сукна. Преподаватель, звонивший в монгольский класс, где происходила самоподготовка, слышал, как спешно прячутся домино. В монгольских классах стоял неистребимый запах кирзы.

Рота сомалийских курсантов, долговязых худых негров, была облачена в тропические мундиры из бежевого хабэ, и не миновать бы им наших шинелей без погон, если бы не ухудшение отношений. В связи с ухудшением отношений между нашими странами сомалийцы курс так и не окончили. А индонезийцы, носившие на стриженых затылках округленные с национальным мотивом пилотки, напоминавшие шапочку доктора Сукарно, продолжали доучиваться даже после прихода к власти Сухарто и истребления на архипелаге трех миллионов настроенных прокоммунистически. От индонезийцев не шаркались, а даже сочувствовали им, понимая, что по возвращении на родину они могут быть подвержены репрессиям.

В индонезийском подразделении учился наследный принц, у которого было много братьев и сестер от разных мамаш. В группе конголезцев обучался Джекоб Молифе, сын одного из вождей борьбы за независимость. Джекоб успел участвовать в боях, был ранен, потерял глаз. Когда в 411-ом госпитале ему нужно было вынуть глазной протез и прочистить рубец раны, автор присутствовал при этой несложной операции в качестве толмача.

На 6-ую приезжал к своему отпрыску Чрезвычайный и полномочный посол Монголии в СССР

Здесь неоднократно бывал министр обороны Кубы Рауль Кастро, Генеральный консул Кубы в Одессе, другие консулы. На рубеже семидесятых в училище постигали секреты ракетной стрельбы кадеты и офицеры из 18 государств. Цифра эта всегда была "плавающей", уезжали одни, даря на память ротному командиру часы "Ориент", купленные вскладчину, и приезжали другие из самых неожиданных стран, включая острова Сен-Томе и Принсипи. Куба же была устойчиво представлена своими парнями без пауз, и обучали их всегда самому современному ракетному оружию. Последний набор кубинских курсантов покинул стены училища в канун девяностых. К тому времени семейные слушатели из разных государств уже обитали вне училища, один дом, во дворе которого резвились негрятята, находился на Сегедской, другой на Маршала Жукова.

Как сложились судьбы кубинских парней?

Знакомый пассажирский помощник капитана Спартак, которого на судне обозначали Спартаком Динамичем, участвовал в нескольких спецрейсах к Анголе на лайнере "Иван Франко". После ожесточенных боев за взятие Мавинги часть кубинских подразделений, среди которых были и легко раненные и больные малярией, покинули сельву и прибыли в Луанду для погрузки на теплоход. На борту находились артисты фронтовых интербригад, исполнялись патриотические песни. В музыкальном салоне проходили закрытые кубинские партсоборания.

Однажды Спартак окликнули по его необычному имени.

— Ленчик, ты?

Спартак обнял кубинского офицера, курсанта шестидесятых из первого набора. Луис Баррета служил командиром ракетно-зенитного дивизиона.

На стоянке в Лас-Пальмасе трое кубинцев сбегало. Перед прибытием в Гавану положено было с помощью переводчиков писать характеристику на каждого кубинского бойца: как вел себя на переходе, какие анекдоты рассказывал, с кем танцевал на вечера отдыха, сколько выпивал рома. Сопроводилку заверяли четырьмя подписями капитан, помполит, пассажирский помощник и представитель кубинского командования.

В 93-ем никому не нужный погибающий на внешнем рейде Одессы "И. Франко" неожиданно был зафрахтован через посредников Пентагоном для работы в Карибском бассейне. В Санта-Доминго приняли на борт отловленных американским "коуст-гардом" в океане беглецов с Гаити и Кубы и снялись курсом на Гуантанамо, где простояли пять месяцев. "И. Франко" фактически стал если не тюрьмой, то, по крайней мере, плавучим СИЗО. Палуба на стоянке раскалялась, как сковородка, изношенная климатическая установка отказывала. Однажды привели очередную партию задержанных, которых патрульный катер снял с угла плота из автомобильных камер, скрепленных бамбуковыми шестью. В стайке несчастных сидел и экс-подполковник Луис Баррета, Ленчик. Пассажирский помощник с трудом узнал его. Разговорились, насколько позволяла обстановка. Жена Луиса Элеонора, одесситка с Фонтана, умерла, две дочери бежали во Флориду, он нацелился к дочерям.

Рейс к берегам Кубы в 93-ем выдался несчастлив, на стоянке в Гуантанаме стончался от сердечной недостаточности старший электромеханик. На переходе сиганул за борт матрос, теплоход возвращался, матроса так и не обнарудили.

Спартак "под настроение" соврал фонтанским ровесникам, что якобы спрятал Ленчика в вентиляционной шахте, и тот на стоянке "И. Франко" в Нью-Орлеане перелез на берег по швартовому концу. Спартаку не поверили. Он переживал, но через полгода показал письмо от Луиса, на конверте была американская марка с видом Кордильер, адрес флоридский — все как положено. Триумф Спартак струсил, когда с месяц назад Баррета, появившись на углу Педагогической, купил за тридцать копеек кулечек семечек у другой уже бабки, Киля померла. Возле питейной будки близ Института сухопутных войск Баррета встретил Данилу, ровесника, они обнялись и немного выпили плохого вина.

— А бурсу вашу ликвидируют и переводят во Львов, — сообщил свидетель курсантской юности Ленчика.

Луис не болтал лишнего, но Де Ниро, как обозначают на шестой станции Данилу, прояснил картину мытарств и подвига Барреты.

По словам Де Ниро, в Гуантанаме подполковнику Баррете гуманно жаловали вид на жительство во Флориду. Выполнив ответственное задание кубинской внешней разведки, Луис вернулся на остров и был представлен к очередному званию полковника. В 2005-ом полковник Баррета якобы находился на переподготовке в учебном центре под Астраханью, и на Фонтане был проездом.

Правда ли это или очередная версия? На этот счет в питейном заведении "Не унывай!" есть свое мнение.